

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая монография основана на диссертации автора «Последствия отпадения цели договора в российском праве и английский институт *frustration of purpose*: сравнительный анализ», которая была защищена 08.11.2021 в Санкт-Петербургском государственном университете с присуждением автору ученой степени кандидата юридических наук.

Автор выражает благодарность своему научному руководителю доктору юридических наук Антону Дмитриевичу Рудоквасу за неоценнимую помощь и поддержку при работе над диссертацией.

Автор выражает признательность членам диссертационного совета: Ирине Александровне Емелькиной, Константину Ильичу Скловскому, Владимиру Федоровичу Попондопуло, Анатолию Владимировичу Кострубе за ценные замечания и рекомендации.

Отдельную благодарность автор выражает члену диссертационного совета Артему Георгиевичу Карапетову за помощь при написании диссертации и за важные критические комментарии.

Автор также выражает благодарность Всеволоду Владимировичу Байбаку и Владимиру Ахсаровичу Багаеву за отзывчивость и рекомендации при подготовке диссертации.

В завершение хотелось бы выразить благодарность моим родителям – Ольге Анатольевне и Сергею Владимировичу Петровым.

ВВЕДЕНИЕ

Участники гражданского оборота, вступая в договоры, всегда преследуют определенные цели заключения таких сделок, состоящие в использовании определенным образом тех благ, которые сторона договора получит в результате исполнения обязательства ее контрагентом. Такие цели заключения договоров традиционно в российской доктрине квалифицируются как юридически безразличный мотив.

Вместе с тем далеко не всегда на протяжении срока действия договора сохраняется возможность достичь его цель. Как правило, причинами невозможности реализовать цель заключенного договора выступают некие внешние не зависящие от сторон договора и не подконтрольные им обстоятельства. Отпадение цели договора в такой ситуации означает, что заинтересованная сторона утрачивает интерес в сохранении договорных отношений. Именно в такой ситуации на первый план выходит решение вопроса о том, допустимо ли отойти от сложившихся представлений об отсутствии правового значения у мотивов вступления в договор и предоставить какие-либо средства защиты своих имущественных интересов той стороне договора, для которой цель заключения договора стала нереализуемой.

В английском праве отпадение цели договора (или тщетность цели договора) выступает обстоятельством, которое автоматически влечет прекращение договора ввиду его тщетности. При этом цель договора приобретает указанное правовое значение, если она была для одной из сторон причиной вступления в соглашение, а для другой — обстоятельством, которое не просто было ей известно в момент заключения договора, но четко осознавалось при совершении сделки и влияло на ее условия, а также если такая цель заключения договора оказала решающее влияние на принятие стороной решения о заключении договора в целом.

В некоторой мере аналогом английской доктрины тщетности договора применительно к российскому праву являются правила ст. 451 ГК РФ — институт расторжения (изменения) договора в связи с существенным изменением обстоятельств. Одной из практических областей применения указанных норм как раз и являются случаи отпадения цели договора или нереализации мотива к заключению договора.

Нельзя не отметить то, что английское право уже достаточно давно и традиционно выбирается сторонами внешнеэкономических контрактов в качестве применимого права к их договорным отношениям

по таким контрактам. Считается, что именно право Англии и Уэльса, в отличие от национальных законодательств стран континентального права, предоставляет сторонам договора возможности по максимально гибкому урегулированию их подчас крайне сложного договорного взаимодействия. Данное обстоятельство в определенной мере послужило причиной того, что в результате реформирования положений ГК РФ отечественному законодательству теперь известны аналоги институтов английского права (например, заверения об обстоятельствах и возмещение потерь). С учетом того, что достижения английского права, очевидно, заимствуются российским правопорядком, рассматриваемая в рамках настоящей работы проблематика является крайне актуальной, так как позволяет по результатам анализа подходов английского права к правовому значению отпадения цели договора, а также при рассмотрении континентальной цивилистической традиции сквозь призму поставленного вопроса прийти к выводам относительно возможности и (или) необходимости заимствования правил иностранных законодательств и правовых систем для целей совершенствования положений отечественного законодательства и правоприменительной практики.

Актуальность анализируемой тематики обусловлена также и тем, что в настоящее время достаточно серьезно возрос интерес как российской доктрины, так и отечественной судебной практики к критериям и случаям применения такого основания прекращения и изменения договора, как существенное изменение обстоятельств, частным случаем которого является отпадение цели договора. Подходы английской практики к решению проблемы о влиянии последующего изменения обстоятельств на договор представляют в данной связи не только теоретическую, но и практическую ценность для формирующейся в настоящий момент практики российских судов по отдельным вопросам применения правил ст. 451 ГК РФ.

В российском правопорядке проблематика отпадения цели договора незаслуженно обходится вниманием исследователей и на настоящий момент не получила достаточного теоретического анализа и изучения. Так, в отечественной доктрине отсутствуют работы, в которых проводился бы комплексный компаративный анализ отпадения цели договора. В равной мере в российской цивилистике крайне незначительное внимание уделяется правовому анализу мотивов вступления в сделку, случаям и критериям наделения их юридическим значением. При этом, например, в немецком правопорядке, который также является предметом анализа в рамках настоящей работы, вопросы

юридически значимого мотива и правового значения ошибки сторон договора в нем достаточно хорошо проработаны как на доктринальном, так и на законодательном уровне. При таких обстоятельствах исследование проблематики отпадения цели договора сквозь призму правового значения нереализации каузального мотива вступления стороны в договор представляет особый интерес.

Глава 1. АНГЛИЙСКАЯ ДОКТРИНА «FRUSTRATION OF CONTRACT»

§ 1. Возникновение доктрины «*frustration of contract*» в английском праве

Английское договорное право достаточно длительное время рассматривало договорные обязательства как абсолютные¹ — данный подход предполагал, что стороны договора обязаны во что бы то ни стало исполнить обязательства, которые они приняли на себя, заключив договор². Ни невозможность исполнения, ни непредвиденные события, сделавшие исполнение обязательства существенно более обременительным и (или) дорогостоящим для стороны договора, не могли повлиять на связанность стороны заключенным договором³ — сторона не могла ни избежать ответственности за нарушение договора, вызванное указанными обстоятельствами, ни освободиться от договора. Данный подход английского права на уровне прецедента был сформулирован в деле *Paradine v. Jane* [1647]⁴.

В деле *Paradine v. Jane* отказ арендатора уплатить арендную плату по договору основывался на факте невозможности пользования арендованным имуществом и получения выгод от аренды ввиду того, что немецкий князь Руперт (*Prince Rupert*) вторгся на арендуемую ответчиком землю. Английский суд в такой ситуации не посчитал возможным защитить арендатора и удовлетворил требования арендодателя о взыскании неуплаченной арендной платы, указав на то, что «арендатор должен был выполнять свое обязательство надлежащим образом (*the lessee must have made it good*), несмотря на вторжение врагов на арендуемую землю; право не предоставляет средств защиты на такой случай. ...В то же время, поскольку арендатор получает выгоды от слу-

¹ См.: Chitty on Contracts. 31st ed. Vol. 1: General Principles, 2012 (далее в сносках — Chitty on Contracts). P. 1636–1637; *Furmston M.P.* Cheshire, Fifoot and Furmston's Law of Contract. 12th ed. London; Dublin; Edinburgh, 1991. P. 569; *Treitel G.H.* The Law of Contract. 13th ed. London, 2011. P. 920–921; *Hondius E., Grigoleit H.C., eds.* Unexpected Circumstances in European Contract Law. Cambridge, 2011. P. 26–27.

² *Guest A.G.* Anson's Law of Contract. 26th ed. Oxford, 1986. P. 440.

³ См.: *Guest A.G.* Op. cit. P. 440; *Treitel G.H.* Op. cit. P. 920–921; *Smith J.C.* The Law of Contract. 2nd ed. London, 1993. P. 189.

⁴ *Paradine v. Jane* [1647] EWHC KB J5.

чайного дохода, то он также должен нести риски от случайных потерь и не должен возлагать такое бремя на арендодателя»¹.

Такой вывод английского суда вполне закономерен ввиду достаточно последовательного проведения английской практикой принципа свободы договора. Одним из следствий этого принципа, выступающего краеугольным камнем договорного права, является обязательность исполнения добровольно принятых на себя обязательств². Именно обязательность выполнения обещаний была в достаточно категоричной форме обозначена английской практикой в данном деле.

Особенностью дела *Paradine v. Jane* является и то, что Суд королевской скамьи при разрешении спора обратил внимание на важное различие в освобождении от обязательств, установленных законом, и обязательств, установленных договором. В первом случае, «когда сам закон создает обязательство, и сторона не может исполнить такое без своей вины, и у нее нет средств защиты, закон считает такое неисполнение извинительным»³. Во втором же случае, «когда сторона своим собственным соглашением создает для себя обязанность, она обязана ее исполнить, если это возможно, несмотря на любые неизбежные события, потому, что она могла предусмотреть защитные меры на такой случай в договоре»⁴. Оправданием приведенному разграничению служил тот факт, что «сторона договора всегда может прямо предусмотреть в договоре средства защиты на случай возникновения неких непредвиденных⁵ обстоятельств; если же сторона добровольно принимает на себя абсолютное и безусловное обязательство, она

¹ *Ibidem* (здесь и далее перевод с английского языка на русский язык наш. — Д.П.).

² Chitty on Contracts. P. 28–31.

³ *Paradine v. Jane* [1647] EWHC KB J5.

⁴ *Ibidem*.

⁵ Необходимо обратить внимание на то, что при буквальном переводе речь идет именно о непредвиденных обстоятельствах («a party to a contract can always guard against unforeseen contingencies by express stipulation; but if he voluntarily undertakes an absolute and unconditional obligation he cannot complain merely because events turn out to his disadvantage» — см.: *Furnston M.P.* Op. cit. P. 569). Однако, с нашей точки зрения, более корректным переводом и толкованием указанных обстоятельств будет рассмотрение данных факторов как потенциально предвидимых стороной договора, однако в силу некоторых причин и ввиду легкомыслия стороны не учтенных и не предусмотренных ею в момент заключения договора. Иное понимание приводит к абсурдному выводу о том, что сторона не предусмотрела в договоре меры защиты на случай наступления обстоятельств, которые она в принципе никак и ни при каких условиях не могла предвидеть. По этому поводу см.: *Дождев Д.В.* Изменение и расторжение договора вследствие существенного изменения обстоятельств: европейская правовая традиция и современные тенденции // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2018. Т. 13. № 1. С. 105.

не может ссылаться только на то, что события обернулись для нее невыгодным образом»¹.

Действительно, принцип свободы договора предоставляет сторонам договора практически абсолютную свободу в формулировании его условий. Ничто не препятствует им прямо в договоре урегулировать последствия наступления неких обстоятельств, которые существенным образом влияют на баланс интересов сторон по договору, делают исполнение для одной из сторон более обременительным или влекут для нее утрату интереса в исполнении договора. Подобное поведение свидетельствует о том, что стороны заботятся о своих имущественных интересах в процессе исполнения договора и стремятся уже на стадии заключения договора спрогнозировать возможные риски и предусмотреть средства защиты на случай реализации таковых. Если же стороны не предусмотрели таких защитных мер, то они в определенной мере повели себя неосмотрительно, потому и защищать их от негативных последствий последующего не предусмотренного ими изменения обстановки не следует.

В определенной мере небезосновательность тезиса, выдвинутого Судом королевской скамьи еще в середине XVII в., подтверждает и сегодняшняя практика, сложившаяся в сфере международных коммерческих договоров. Внешнеэкономические контракты очень часто (если не всегда) включают подробные и детально проработанные форс-мажорные оговорки (*force majeure clauses*), оговорки о затруднениях (*hardship clauses*) и иные аналогичные положения, призванные урегулировать порядок взаимоотношений сторон на случай возникновения непредвиденных обстоятельств, влияющих на баланс имущественных интересов сторон договора².

Как указывает Эван Маккендрик (*Ewan McKendrick*), такие оговорки позволяют внести элемент стабильности и определенности в договорные отношения сторон³. Стороны договора сами предусматривают конкретные последствия на случай последующего изменения обстановки; такие положения договора не только позволяют защитить имущественные интересы пострадавшей стороны, но и, будучи изначально согласованными сторонами, удобны для них и не создают дополнительных обременений и сложностей при урегулировании последствий изменившихся обстоятельств.

¹ *Furmston M.P.* Op. cit. P. 569.

² *Ibidem.* См. также: *McKendrick E.* Contract Law. London, 2000. P. 302–303.

³ *McKendrick E.* Op. cit. P. 302–303.

Более того, подобные оговорки являются договорными условиями, а значит, стороны могут включить в них довольно широкий перечень обстоятельств¹, на случай наступления которых предусматривается специфическое регулирование. В сферу действия таких оговорок могут включаться не только те обстоятельства, которые по английскому праву признаются влекущими *frustration of contract*, но и любые иные, в том числе не отвечающие соответствующим критериям, однако в регулировании последствий наступления которых стороны заинтересованы.

Стороны могут очень детально урегулировать в договоре последствия изменения обстоятельств². Например, возможно установить обязанность уведомления заинтересованной стороной другой стороны об изменении обстоятельств, предусмотреть период отсрочки исполнения обязательства на период действия изменившихся обстоятельств (если это возможно, применительно к конкретному виду изменений и виду договорных обязательств), а также детально урегулировать порядок действий сторон по изменению или прекращению их договорных обязательств при возникновении таких новых обстоятельств.

Иными словами, *force majeure clauses, hardship clauses* и иные аналогичные положения являются достаточно удобным инструментом регулирования последствий последующего изменения обстоятельств. Такие договорные условия позволяют очень гибко учесть специфику конкретных договорных отношений, а также отвечают интересам обеих сторон договора — посредством таких оговорок в договоре предусматривается строго индивидуальная и подходящая для конкретных участников оборота, но в то же время эффективная процедура восстановления баланса имущественных отношений сторон договора, нарушенного изменением обстоятельств.

Однако очевидно, сколь бы подробны ни были договорные положения, предусмотренные на случай возникновения неких непредвиденных обстоятельств, они не могут учесть всего многообразия жизненных ситуаций, которые могут произойти после заключения договора и повлиять на баланс имущественных интересов сторон в рамках договора. Более того, не всегда договорные оговорки, содержащиеся в соглашении, могут охватывать какое-либо конкретное произошедшее впоследствии изменение внешней обстановки. В связи с этим возникает необходимость на уровне закона установить некие общие правила, которые применялись бы по умолчанию в случае любого

¹ *McKendrick E.* Op. cit. P. 302–303.

² *Ibidem.*

релевантного для договорных правоотношений изменения обстоятельств: предусмотреть признаки изменившейся обстановки, а также урегулировать последствия изменения внешней ситуации, отвечающей установленным признакам. В различных правопорядках последствия наступления изменившихся обстоятельств регулируются по-разному.

В мировой практике сложилось два концептуальных подхода к регулированию последствий влияния изменившихся обстоятельств на договорные обязательства:

1) посредством обращения к уже известным, так называемым конвенционным, инструментам (например, институту толкования договора, признанию договора недействительным ввиду ошибки, невозможности исполнения, непреодолимой силы, доктрине «*laesio enormis*»); либо же

2) путем создания специальных норм, рассчитанных на применение исключительно к ситуациям непредвиденного изменения обстоятельств¹. Примером второго подхода являются исследуемая в настоящей работе английская доктрина «*frustration of contract*», а также российский институт существенного изменения обстоятельств, предусмотренный ст. 451 ГК РФ.

Сформулированный в деле *Paradine v. Jane* подход о безусловном исполнении принятых на себя стороной договора обязательств являлся очень строгим — этот факт признавали и английские юристы, и сами суды². Данное правило возлагает на сторону обязанность исполнить договорное обязательство либо понести ответственность за его нарушение, даже если в силу неких внешних по отношению к стороне договора обстоятельств, находящихся абсолютно вне сферы ее контроля, такое исполнение объективно невозможно, даже тогда, когда в новой обстановке становится очевидно несправедливым сохранение обязательства в его первоначальном виде и понуждение должника к его исполнению. Иными словами, выработанный Судом королевской скамьи подход «применим и довольно хорошо работает тогда, когда будет разумным, исходя из природы договора или обстоятельств его заключения, ожидать наступления событий, с тем чтобы предусмотреть в договоре средства защиты»³.

Осознавая всю категоричность подхода, сформулированного в деле *Paradine v. Jane*, английские суды стали развивать указанное правило таким образом, чтобы ограничить сферу его действия. В качестве противовеса данному принципу появляется следующая концепция:

¹ Подробнее см.: *Hondius E., Grigoleit H.C., eds. Op. cit. P. 5–10.*

² *Furmston M.P. Op. cit. P. 570.* См. также дела: *Lauritzen A/S v. Wijsmuller B.V. [1989] EWCA Civ 6; Hirji Mulji and others v. The Cheong Yue Steamship Co. Ltd [1926] A.C. 497.*

³ *Treitel G.H. Op. cit. P. 921.*

«Если последующее исполнение договора становится невозможным ввиду неких непреодолимых и внешних причин, за которые ни одна из сторон не отвечает, договор должен прекратиться и стороны должны быть освобождены от исполнения обязательств»¹. При наступлении подобного рода событий принцип абсолютного действия заключенного договора не подлежит применению. Очевидно, что сформулированное новое правило применимо только в той ситуации, когда возможное наступление блокирующего исполнение внешнего фактора было абсолютно непредвидимо для договаривающихся сторон, так что заинтересованному лицу нельзя вменить в вину неосмотрительность при формулировании условий договора, который в конечном счете не предусматривает никаких средств защиты такой заинтересованной стороны на случай проявления именно данного обстоятельства.

Ответом на потребности оборота в ослаблении принципа абсолютности договорных обязательств стала доктрина *«frustration of contract»*² — концепция тщетности договора, как ее нередко именуют в российской доктрине³. Именно случаям влияния наступивших впоследствии обстоятельств на договор посвящена данная теория⁴, которая позволяет сторонам в ряде случаев при наступлении определенных обстоятельств освободиться от договорных обязательств. На сегодняшний день доктрина *«frustration of contract»* охватывает «все многообразие случаев прекращения договора ввиду последующих событий, безотносительно к типам обстоятельств, повлекших прекращение договора»⁵.

Исторически первым прецедентом, с которым связывается возникновение в английском договорном праве доктрины *«frustration of contract»*⁶,

¹ *Furmston M.P.* Op. cit. P. 570. См. также: *Цвайгерт К., Кёму Х.* Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права: Пер. с нем. В 2 т. Т. 2. М., 1998. С. 248–249.

² *Treitel G.H.* Frustration and Force Majeure. 2nd ed. London, 2004. P. 66. См. также: *McKendrick E.* Force Majeure and Frustration of Contract. 2nd ed. New York, 2013. P. 37–38.

³ См., напр.: *Комаров А.С.* Договорная ответственность и экономический кризис // Журнал российского права. 2014. № 1 (СПС «КонсультантПлюс») (дата обращения: 14.12.2021); *Луц Л.А.* Деньги и денежные обязательства в гражданском праве. 2-е изд., испр. М., 2004. С. 322–324.

⁴ См.: *McKendrick E.* Contract Law. P. 301; *Treitel G.H.* Frustration and Force Majeure. P. 66–67.

⁵ *Treitel G.H.* Frustration and Force Majeure. P. 66.

⁶ См.: *Gibbon W.* Discharge of Contract by Frustration // University of New Brunswick Law School Journal. 1948. Vol. 2. Issue 1. P. 17; *Treitel G.H.* Frustration and Force Majeure. P. 47; *Hondius E., Grigoleit H.C., eds.* Op. cit. P. 28; *Oughton D., Davis M.* Sourcebook on Contract Law. 2nd ed. London; Sydney, 2000. P. 283. См. также дела: *Joseph Constantine SS Line Ltd v. Imperial Smelting Corp Ltd* [1942] A.C. 154; *National Carriers Ltd v. Panalpina (Northern) Ltd* [1980] UKHL 8.

стало дело *Taylor v. Caldwell* [1863]¹. В данном деле между истцом и ответчиком был заключен договор аренды садов и мюзик-холла (*The Surrey Gardens and Music Hall*) с целью проведения в последнем четырех концертов, а ответчик в свою очередь принял на себя ряд обязанностей по организации проведения указанных концертов (в частности, обеспечение охраны). Однако до дня проведения первого из концертов мюзик-холл сгорел, проведение в нем концертов стало невозможным. Истец как арендатор, понесший расходы на подготовку к проведению концертов, обратился с иском к арендодателю о взыскании убытков в размере затрат на рекламу концертов и иных расходов, связанных с его организацией. Суд отказал во взыскании убытков, указав на то, что «в договорах, в которых исполнение зависит от продолжения жизни данного лица или продолжения существования данной вещи, подразумеваемым условием является то, что невозможность исполнения ввиду смерти лица или гибели вещи должна освобождать от исполнения... такое освобождение от ответственности подразумевается законом»². В рассматриваемом деле «из природы договора было очевидно, что стороны заключали договор на основании того, что мюзик-холл будет существовать, когда состоятся концерты; это было существенно для исполнения»³.

Интересной особенностью дела *Taylor v. Caldwell* является то, что суд, обосновывая сделанный вывод, проводит аналогию между рассматриваемой ситуацией и договорами с личным исполнением. В последних смерть исполнителя освобождает его душеприказчиков от договора, так как в таких договорах из их природы следует подразумеваемое условие продолжения жизни исполнителя⁴.

Суд королевской скамьи в рассматриваемом деле не только отказал во взыскании убытков, но и указал на последствия наступления *frustration of contract*. Пожар, повлекший уничтожение мюзик-холла, прекратил договор в целом: и обязательство арендодателя по предоставлению мюзик-холла и оказанию услуг по организации проведения концертов, и обязательство арендатора по уплате арендных платежей.

Для обоснования сделанных в данном деле выводов английский суд прибегает к концепции «*implied terms*» — концепции подразумеваемых условий. «Когда из природы договора следует, что стороны должны

¹ *Taylor & Anor v. Caldwell & Anor* [1863] EWHC QB J1, 3 B & S 826, 122 ER 309.

² *Ibidem*.

³ *Ibidem*.

⁴ *Ibidem*. По вопросу прекращения обязательства смертью лица см., напр., дела: *Hyde v. The Dean of Windsor* [1597] Cro Eliz 552 (KB); *Marshall v. Broadhurst* [1831] 1 C & J 403; *Hall v. Wright* [1859] El & Bl El 765, 120 ER 695.